

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 911.338 (100/510)

Н.А. Служа¹, Т.Х. Ткаченко²

КИТАЙ НА ПОРОГЕ ТРЕТЬЕГО ГЛОБАЛЬНОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО ЦИКЛА

На базе синтеза страноведческого и мирохозяйственного подходов анализируются условия, факторы и предпосылки возвышения Поднебесной в международном сообществе и превращения ее в «мировую фабрику» в рамках второго глобального интеграционного цикла. Оценивается изменение позиционирования страны в ключевых геоэкономических структурах и потоках. Отмечается, что «китайский фактор» оказывает все более существенное влияние на развитие не только глобальных рынков, но и современных мирополитических процессов через широкое использование инструментов «мягкой силы». Предполагается, что реализация новой стратегии Китая, проходящей проверку на базе глобального проекта «Один пояс – один путь», приведет к кардинальной трансформации архитектуры мироустройства и третий глобальный интеграционный цикл вполне может обрести наименование *Pax Sinica*.

Ключевые слова: мировое хозяйство, пространственная структура, глобальные интеграционные циклы, Китай, *Pax Sinica*

Введение. Современный этап глобализации характеризуется усилением взаимодействия и взаимозависимости стран мира, несмотря на некоторое торможение этого процесса и ограничения, связанные со стремлением ряда стран избежать его негативных последствий. В условиях турбулентности внешнеэкономической ориентации новой администрации США и мирового развития в целом Китай готов взять на себя роль одного из центров глобализации. Об этом свидетельствует речь Председателя КНР Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г., где он заявил: «...мы должны адаптироваться к экономической глобализации, сгладить негативный эффект от нее и привести ее положительное влияние во все страны. Нравится это вам или нет, глобальная экономика – большой океан, от которого невозможно укрыться» [Бедность вместо глобализации, 2017]. Изучение позиционирования современного Китая в ведущих геоэкономических и геополитических структурах [Гитер с соавт., 2015; Колосов с соавт., 2016] и перспективы смены мирового лидерства (что может привести к кардинальной трансформации архитектуры мироустройства) представляется важной научной задачей. Ее решение требует анализа широкого круга вопросов, включая: предпосылки и факторы укрепления позиций Поднебесной в международном сообществе в условиях глобализации и превращения ее в «мировую фабрику»; место страны на отдельных глобальных рынках, в процессе транснационализации экономики, системе трансграничных цепочек добавленной стоимости, международном движении инвестиций; рост влияния на раз-

витие мирополитических процессов, а также выстраивание партнерских отношений, в том числе в рамках глобальных проектов. Часть из них раскрыта в завершившемся в самом конце 2018 г. исследовании, объединившего усилия более 40 ученых разных областей знания. Его основные результаты опубликованы в коллективной монографии, посвященной памяти доцента кафедры географии мирового хозяйства, крупнейшего географа-китаеведа Е.Н. Самбуровой [На пути к Китайскому миру ..., 2018]. Несмотря на представительную корпус-коллекцию произведений о стране-гиганте, это, по сути, первый за последние десятилетия капитальный труд по Китаю в отечественной социально-экономической географии. Цель статьи – по мотивам выполненного исследования предварительно оценить возможности возникновения китаецентричной системы международного порядка при переходе к третьему глобальному интеграционному циклу.

Материалы и методы исследований. Исследование выполнено на стыке страноведческого и мирохозяйственного подходов; опирается на теорию длинных циклов мирового развития Н.Д. Кондратьева [Кондратьев, 1993] и идею цикличности глобализационных процессов [Самбунова, Мироненко, 2017]. Принятая методология акцентирует значимость географического изучения теснейшей взаимосвязи эндо- и экзогенных факторов социально-экономического развития, оптимизация которой – путь как к смягчению внутренних территориально-хозяйственных диспропорций страны, так и к ее возвышению в глобальной экономике и мировой системе в целом. Эти две траектории получают раскры-

¹ Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра географии мирового хозяйства, профессор, докт. геогр. н.; e-mail: sluka2011@yandex.ru

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, географический факультет, кафедра географии мирового хозяйства, доцент, канд. геогр. н.; e-mail: maryasha_t@mail.ru

тие в ходе исследования Китая на новейшем материале, представленном в национальных статистических ежегодниках [China Statistical Yearbook, 2000–2017; и др.], изданиях международных организаций, включая ООН (см. например, UNIDO ..., https://stat.unido.org/content/dataset_description/indstat-2-2018%252c-isic-revision-3), Всемирный банк, Международный валютный фонд, и в иных источниках информации, с применением арсенала общенаучных и конкретно-научных методов, включая эконометрический, историко-географический, сравнительно-географический, экспертной оценки.

Результаты исследований и их обсуждение. В ходе истории постоянно меняются векторы и лидеры мирового развития. Мiroхозяйственные (глобализационные), как и другие исторические процессы, будучи тесно связанными с «кондратьевскими волнами», имеют не только поступательную, но и циклическую составляющую, которая отражает подъемы и спады планетарной интеграции [Мироненко, Гитер, 2016]. Фаворит первого интеграционного цикла – Англия, поскольку в середине XIX в. страна производила половину мировой промышленной продукции. Время ее господства, продолжавшееся вплоть до окончания Первой мировой войны, вошло в историю как *Pax Britannica*. Глубокая дезинтеграция мирового хозяйства в 1914–1945 гг. стала результатом не только ошибочных политических решений, но и объективных социально-экономических процессов. Второй глобальный интеграционный цикл, то есть нынешняя глобализация, начался с завершением Второй мировой войны и закономерно вошел в историю как *Pax Americana* (в 1945 г. американская экономика составляла половину мировой). За его окончание можно принять череду современных кризисов и рецессий с возможным апогеем в 2008 г., обусловленных поворотной точкой мирового развития, лежащей в самом низу понижательной фазы пятого цикла Н.Д. Кондратьева. Сейчас уже налицо классические признаки глобальной дезинтеграции: отставание темпов роста мировой торговли от темпов роста мировой экономики и усиление протекционизма (они, разумеется, взаимосвязаны) [Шупер, 2017]. Бесспорна и утрата безоговорочного могущества США, экономика которых к концу второго десятилетия XXI в., согласно данным Всемирного банка, составляет уже менее четверти мировой [The World Bank, <http://worldbank.org/data/>]. Для многих экспертов все это служит основанием полагать, что через одно–два десятилетия начнется третий глобальный интеграционный цикл, но это будет уже интеграция вокруг другого лидера.

Удачно найденное сопряжение внутренних и внешних факторов экономического роста – залог стремительного расцвета Китая. Один из сравнительно неожиданных для многих западных экономистов и политиков результатов второго глобального интеграционного цикла – быстрое возвышение ранее традиционно «отсталого» и «закрытого» Китая, который в сжатые сроки совершил относительно безболезненный переход от плановой экономики

советского образца к работающей рыночной модели смешанного типа. Слагающие успеха китайских реформ известны: это и постепенная «двухколейная» реформа ценообразования, и комплекс рыночных мер в сельском хозяйстве, и изменение системы управления госпредприятиями, и децентрализация административной системы, и поэтапное развитие банковской сферы и рынка капитала. Не менее значимой является и политика внешней открытости, благодаря которой страна вышла из изоляции и активно использует зарубежный опыт и инвестиции для модернизации всех сфер жизни. Благодаря грамотной политике руководства, Китай смог максимально эффективно реализовать свои конкурентные преимущества, включая дешевую рабочую силу, огромный потенциал внутреннего рынка, а также возможности экономической глобализации. В результате целенаправленного осуществления целой группы крупных программ он превратился в «мировую фабрику», выпускающую широкий ассортимент изделий, и занял в мировом хозяйстве нишу крупнейшего производителя промышленной продукции. За четыре десятилетия реформ доля Китая в мировом ВВП по паритету покупательной способности (ППС) увеличилась с 2,3% в 1980 г. до 18,3%, по оценкам Международного валютного фонда [The International Monetary Fund, <https://www.imf.org/external/>], в 2017 г. Таким образом, страна заняла лидирующие позиции по этому показателю, опередив США. По величине ВВП по валютному курсу она уступает США, находясь на второй позиции в мире. Внешнеторговый оборот Поднебесной за 1978–2017 гг. увеличился в 200 раз с 20 млрд долл. до 4,2 трлн долл. В 2009 г. она вышла на первое место по объему товарного экспорта и прочно сохраняет его (табл. 1). Ныне именно Китай в значительной степени определяет состояние многих товарных рынков, спрос на сырьевые товары, устойчивость развития мирового хозяйства в целом. В последнее время становится все более заметным, с одной стороны, усиление воздействия процесса глобализации на китайскую экономику, а с другой – нарастание значимости «китайского фактора» в развитии мирового хозяйства [Самбура, Мироненко, 2016].

Ныне страна, отличаясь сверхбыстрыми темпами экономического роста и на равных соперничая с признанными авторитетами на самых разных глобальных отраслевых рынках, плотно, но не афишируя, «подпирает» номинального лидера мирового хозяйства – США – по всем позициям. Материалы исследования убедительно доказывают, что Китай не собирается оставаться индустриальным придатком Запада. Во-первых, он уже давно возглавляет процессы урбанизации, индустриализации и научно-технического прогресса всего развивающегося мира. В результате произошли кардинальные изменения не только в «табеле о рангах» глобальной экономики, но и в общей расстановке сил в системе отношений Центр – Периферия за счет быстрого укрепления места Полупериферии (табл. 2). Во-вто-

Таблица 1

Некоторые сравнительные данные экономики Китая, США и России, 2016/2017 г.

Показатели	Китай	США	Россия	Мир
Население, млн чел., 2017 г.	1382,7	323,3	146,5	7285,0
ВВП номинальный, трлн долл., 2017 г.	11,9	19,3	1,5	79,3
ВВП по ППС, трлн долл., 2017 г.	23,1	19,3	4,0	126,6
Внешнеторговый оборот, трлн долл., 2016 г.	4,3	4,9	0,6	21,0
Товарный экспорт, трлн долл., 2016 г.	2,1	1,4	0,3	16,0
Доля наукоемкого сектора* в номинальном ВВП, %, 2016 г.	35	38	20	33

* Традиционно в расчеты по наукоемкому сектору экономики (КТИ – knowledge- and technology-intensive industries) включаются пять отраслей сервисной сферы (общественные услуги – здравоохранение, образование; коммерческие услуги – бизнес-услуги, финансовые услуги, информационные услуги) + пять высокотехнологичных отраслей обрабатывающей промышленности (авиа-ракето-космический комплекс; коммуникационное оборудование и компьютеры; полупроводники; фармацевтика; контрольно-измерительное оборудование). В 2018 г. методика расчета поменялась, в настоящее время включаются и данные по средне- и высокотехнологичному сектору, а именно данные по объемам производства в пяти отраслях обрабатывающей промышленности – автомобилестроение и автокомпоненты; электротехника, механизмы и оборудование, химическая промышленность (без фармацевтики); железнодорожное и другое транспортное оборудование.

Составлено по: [Хохлов, 2018; Science and Engineering Indicators, 2018].

Таблица 2

Изменение места Китая среди стран-лидеров в мировой обрабатывающей промышленности, 2005–2016 гг. (в постоянных ценах, 2010 г.)

Страна	Доля в мировой обрабатывающей промышленности, %			Продукция обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения, долл.	
	2005	2010	2016*	2005	2016*
Годы					
Китай	11,66	18,51	24,36	1431,9	2170,2
США	20,27	17,64	15,99	5905,6	6074,6
Япония	11,02	10,31	8,73	8404,0	8514,2
Германия	7,29	6,57	6,29	8478,9	9595,0
Индия	2,00	2,71	3,44	228,3	319,4
Республика Корея	2,51	2,93	3,10	6192,7	7556,8
Италия	3,67	2,91	2,36	5068,1	4854,5
Франция	3,10	2,58	2,30	4256,6	4380,5
Бразилия	2,88	2,71	1,84	1414,8	1080,9
Великобритания	2,66	2,15	1,84	3555,7	3475,2
Индонезия	1,55	1,60	1,83	687,1	866,0
Мексика	1,89	1,68	1,66	1466,9	1593,6
Россия	2,12	1,88	1,64	1362,1	1409,6
Мир, всего	100,0	100,0	100,0	1500,1	1660,8

* UNIDO – оценка.

Источник: Составлено И.А. Родионовой [UNIDO. Industrial Statistics Database. INDSTAT4 – 2017 edition, https://stat.unido.org/content/dataset_description/indstat-2-2018%252c-isis-revision-3].

рых, налицо концентрация усилий на приоритетном развитии высокотехнологичных отраслей национального хозяйства.

Укрепление позиций Китая в инновационных сферах, в магистральных направлениях научно-технического прогресса хорошо отражает изменение

доли наукоемкого сектора в производимом ВВП. Согласно данным периодического издания Национального статистического центра науки и инжиниринга США [Science and Engineering Indicators, 2018], на 2016 г. добавочная стоимость, полученная в наукоемком секторе, составляла примерно 1/3 от ми-

рового ВВП³; чуть менее 2/5 – в США, но в Китае, увеличившем с 2003 г. объемы производства высокотехнологичной продукции почти в шесть раз, не намного ниже – 35% (для сравнения, в России – 20%). Совершив за последнее десятилетие мощный рывок, Китай по доле в мировом производстве высокотехнологичной продукции в 2008 г. превзошел Японию, в 2012 г. – ЕС и вплотную приблизился к США (24% против 31% в 2016 г.). Он же занимает лидирующую позицию в мировом экспорте продукции наукоемкого сектора (24%) и имеет большое положительное сальдо в торговле⁴. Хотя, за период с 2011 г. по 2016 г. экспорт высокотехнологичной продукции из Китая резко замедлился по сравнению с 2001–2008 гг.; упало и положительное сальдо торговли. Знаменательно, что это отчетливо наблюдающееся замедление можно считать началом переориентации развития Китая с экспортно-ориентированной модели на модель роста, опирающегося на развитие внутреннего спроса и рынка.

Позиционирование современного Китая в мировом сообществе далеко не ограничивается только экономической нишей. Уже к началу XXI в. страна превратилась в глобальную супердержаву с интересами в Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке и Океании, а «китайский фактор» оказывает существенное влияние на развитие современных мирополитических процессов. Намеренно отказавшись от конкуренции в области идеологии, оставаясь твердым приверженцем принципов ООН, входя во многие международные организации и активно проводя политику «мягкой силы»⁵ на разных территориальных уровнях – глобальном, региональном и субрегиональном – по семи основным направлениям [Михневич, 2014]: 1) распространение и популяризация языка; 2) продвижение традиционной и современной культуры; 3) расширение образовательных контактов; 4) развитие экономических связей и научно-техническое сотрудничество; 5) содействие международному развитию; 6) развитие общественной дипломатии; 7) поддержка соотечественников [Слука с соавт., 2018]; Китай продолжает уверенно набирать вес во всех сферах международных отношений, включая политическую, военно-стратегическую и социокультурную.

В плане реализации политики «мягкой силы» особо показательны два свежих примера из разных

тематических областей. Во-первых, состоялся своего рода прорыв в сфере образования для иностранцев. В конце 2015 г. в более чем 800 вузах страны обучалось 398 тыс. зарубежных студентов. За границей Китай инвестировал в создание 525 Институтов Конфуция (в вузах) и 1113 классов Конфуция (в школах), в которых насчитывается более 5 млн слушателей в год. Во-вторых, планомерно реализуются намерения «поглощения Европы». За последние шесть лет китайские капиталовложения в экономику ЕС увеличились в 10 раз [За последние несколько лет ..., 2017]. Только в 2016 г., по данным консалтинговой компании EY, они выросли почти втрое – с 30,1 млрд долл. до 85,8 млрд долл. За этот год китайцы приобрели 309 европейских компаний или доли в них. По числу таких объектов первое место заняла Германия (68 приобретений), второе – Великобритания (47), третье – делят Франция и Италия (по 34). Для сравнения, почти десять лет назад, в 2007 г., китайцы купили в Европе только 51 компанию [Рождественская, 2017]. При понятных приоритетах китайские инвестиции имеют широкую географию, их можно обнаружить во всех без исключения государствах региона. В частности, еще в 2012 г. для налаживания сотрудничества со странами Центральной и Восточной Европы запущен проект «16+1»⁶. Его главная цель – получение доступа к технологиям и исследованиям, международным каналам продаж и узнаваемым брендам, обеспечение поставок сырья для китайской экономики. Дополнительной целью предприятий Поднебесной является инвестирование в проекты в области внешней инфраструктуры, а также предоставление льготных кредитов для проектов, реализуемых китайскими подрядчиками [Беляков, 2017].

Для текущей «проверки» верности стратегического курса к мировому лидерству Китаем избран глобальный проект «Один пояс – один путь» [Совместное строительство, 2017], запущенный в 2013 г. Руководство страны видит пять ключевых смысловых аспектов проекта [Чубаров, Калашников, 2018]: 1) политическая координация; 2) взаимосвязь инфраструктуры; 3) бесперебойная торговля; 4) свободное передвижение капитала; 5) укрепление близости между народами. Он должен показать стремление Китая не только к рациональному устранению территориально-отраслевых

³ Отметим, что из этой величины около 15% приходилось на коммерческие услуги, 9% – на общественные, 4% – на производства средние- и высокотехнологичного сектора и около 2% – на высокотехнологичный сектор.

⁴ Столь высокая доля Китая в мировом экспорте есть результат традиционных методов измерения торговых потоков по валовой стоимости продукта, пересекающего международную границу. Предпринятые Организацией экономического сотрудничества и развития и Всемирной торговой организацией инициативы пересчета мировых торговых потоков на основе чистой добавленной стоимости значительно понижают позиции Китая. Так, доля Китая в экспорте компьютеров, электрического оборудования, оптики по традиционным методам расчета составила в 2016 г. 33%, а по методике добавленной стоимости – 19% (хотя это все равно первое место в глобальном экспорте этих продуктов). И с другой стороны, США становятся на значительно более высокую позицию в рейтинге стран, участвующих в мировой торговле, поскольку по новой методике им «приписывается» экспорт электронных комплектующих, используемых в конечной сборке продукта на территории Китая.

⁵ Термин «мягкая сила» (*soft power*) трактуется часто по-разному. В Китае в это понятие вкладывается, главным образом, конфуцианская мудрость и культурная самобытность, которыми следует руководствоваться при принятии решений во внешней политике государства [Касаткин, Ивкина, 2018].

⁶ В него входят 11 стран ЕС и пять балканских стран (Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Венгрия, Латвия, Литва, Македония, Польша, Румыния, Сербия, Словакия, Словения, Хорватия, Черногория, Чехия, Эстония).

перекосов в национальной экономике и снятию ряда социальных противоречий, но и к ответственному участию в интеграционных процессах на макрорегиональном уровне: высветить спектр проблем, возможности и способности организации новых «точек роста», тем самым раскрывая реальный потенциал притязаний на мировое лидерство. Этот евразийский геополитический проект, основой которого должны стать равенство, баланс интересов, взаимовыгодность и всеобщее развитие, призван обозначить главные черты нового миропорядка. Уже сейчас он объединяет почти семь десятков государств с населением около 4,5 млрд чел. и оказывает серьезное влияние на ключевые процессы современности – ход глобализационного движения, трансформации в системе международного разделения труда, изменение роли и значения транснациональных корпораций, терциализацию и неоиндустриализацию экономики развитых стран и многие другие.

Российско-китайский стратегический тандем на пороге третьего глобального интеграционного цикла. Реализация амбиций Поднебесной в условиях мирохозяйственного перехода весьма остро ставит вопрос о ближайших и надежных партнерах, среди которых особое место занимает Россия. Для возникновения союзных отношений между двумя странами-гигантами выгодно уже их геостратегическое положение, родственность по общегеографическим размерным «габаритам» и богатая история позитивного взаимодействия. Китай и Россия обладают мощным военно-экономическим потенциалом, значительным политическим весом на международной арене и способны оказать друг другу реальную и эффективную помощь при решении важных международных проблем. Несимметричность их экономического и научно-технологического развития компенсируется взаимными дополнениями. Несмотря на необходимость дальнейшей проверки гипотезы о жизнеспособности российско-китайского экономического взаимодействия вне постсоветского пространства, на текущем историческом этапе у Китая и России нет острых противоречий, в том числе в отношении видения желаемого мироустройства. Обе страны отстаивают многополярную модель в мире глобализации. Общим противником для них являются претендующие на глобальное доминирование США, открыто объявившие Россию угрозой своим интересам, а Китай – экономическим конкурентом, что в преддверии третьего глобального интеграционного цикла делает последних естественными союзниками.

Выводы:

– состояние неопределенности и турбулентности в современном мировом хозяйстве тесно связано с изменениями в пространственной конфигурации мирового развития в условиях мирохозяйственного перехода в макротехнологической структуре геоэкономики, что объяснимо в рамках теории длинных циклов Н.Д. Кондратьева. Адаптация к новой ситуации вызовет не только уход старых технологий и организационных структур и появление пропульсивных отраслей хозяйства и новых институцио-

нальных возможностей, но и пространственное переустройство мира;

– в исторически сжатые сроки благодаря грамотной политике руководства Китай, осуществив комплекс хозяйственных и иных реформ, вошел в число крупнейших экономик мира и на равных соперничает на многих глобальных рынках с признанными авторитетами. Экономические успехи и укрепление позиций во всех сферах международных отношений за счет активного проведения политики «мягкой силы» позволяет размышлять о быстром росте глобальной конкурентоспособности Поднебесной на этапе мирохозяйственного перехода;

– в целом выход Китая на мировое лидерство – не прогнозный сценарий, а давно идущий процесс, и с учетом особого стратагемного мышления китайцев можно предположить, что Пекин скорее ориентирован доминировать в мировой цивилизации «из тени», внешне оставаясь на вторых ролях. Иными словами, глобальное лидерство Китая – не цель, а скорее национальная идея, не требующая конкретных временных сроков, но способная идеологически мобилизовать китайское общество на стабильное и динамичное развитие через качественную внутреннюю трансформацию;

– с учетом «атомизации» Запада, который вместо мобилизации сил на эпохальном историческом рубеже до сих пор превозносит крушение советского блока и СССР, и отсутствия у России должного экономического базиса (см. табл. 1), активно-прагматической внешней политики и претензий на мировое верховенство, можно прогнозировать закономерное возникновение в ближайшем будущем китаецентричной системы международного порядка. В рамках третьего глобального интеграционного цикла мировое лидерство впервые за последние 500 лет, вполне вероятно, уйдет за пределы глобального Запада, и этот период истории по аналогии с британской и американской гегемонией в мире (лат. *Pax Britannica* и *Pax Americana*) может получить наименование *Pax Sinica*. Хотя Пекин вынужден будет еще предложить миру свой «цивилизационный проект»;

– результаты исследования содержат ценный конструктив для России и других стран, ищущих базу для своего «startup» или претендующих на вхождение в клуб мировой элиты. Опыт Китая может быть полезен при разработке национальных программ ускоренного социально-экономического развития, принципов регулирования развития отдельных отраслей хозяйства, подходов к формированию мощного блока материнских транснациональных корпораций, для совершенствования использования механизмов «мягкой силы» и по многим другим направлениям;

– все упомянутое актуализирует изучение Китая, делает его естественным и особо значимым объектом познания для географов-мирохозяйственников и географов-китаеведов, а социально-экономическую географию в целом выдвигает в качестве центрального интеграционного звена при проведении междисциплинарных исследований эволюции места стран-гигантов в глобализирующемся мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бедность вместо глобализации // Эксперт. 2017. № 4 (1014). URL: <http://expert.ru/expert/2017/04/bednost-vmesto-globalizatsii/>
- Беляков Д. Стратегия Пекина в Центральной Европе // СОНАР 2050. 01.12.2017. URL: <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/>.
- Гитер Б.А., Гречко Е.А., Колосов В.А. и др. Основные направления исследований географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2015. № 6. С. 3–10.
- За последние несколько лет КНР резко увеличила объем прямых инвестиций в страны ЕС. Сколько Китай вкладывает в Европу – в инфографике Sputnik. 03.11.2017. URL: <http://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html>.
- Касаткин П.И., Ивкина Н.В. Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС // Сравнительная политика. 2018. Т. 9. № 1. С. 26–36.
- Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В. и др. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 1. С. 3–12.
- Кондратьев Н.Д. Избранные сочинения. М.: Экономика, 1993. 543 с.
- Мироненко Н.С., Гитер Б.А. Мировоззренческий переход в начале XXI века: макротехнологические и пространственные трансформации // География мирового хозяйства: традиции, современность, перспективы / Под ред. В.А. Колосова, Н.А. Слуки. М.: Смоленск: Ойкумена, 2016. С. 40–48.
- Михневич С.В. Панда на службе Дракона: основные направления и механизмы политики «мягкой силы» Китая // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2. С. 95–129.
- На пути к Китайскому миру: коллективная монография / Под ред. Н.А. Слуки. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018. 356 с.
- Рождественская Я. Китайские инвестиции в Европу достигли рекордного уровня // Коммерсантъ. 26.01.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3201876>.
- Самбурова Е.Н., Мироненко К.В. «Китайское экономическое чудо» в мировоззренческом измерении // Региональные исследования. 2016. № 3(53). С. 149–157.
- Самбурова Е.Н., Мироненко К.В. Китай в мировом хозяйстве в контексте глобализации // Мировое и национальное хозяйство. 2017. № 1(40). URL: <http://mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2017-1-samburova-mironenko.pdf>.
- Совместное строительство «Одного пояса, одного пути»: идея, практика и вклад Китая. Пекин: Изд-во лит-ры на ин. языках, 2017. 75 с.
- Хохлов А.В. Справочные материалы по географии мирового хозяйства 2018. Статистический сборник. 2018. URL: <https://api.expertedu.ru/api/documents/78/download>.
- Чубаров И.Г., Калашиников Д.Б. «Один пояс – один путь»: Глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 25–33.
- Шулер В. Самоорганизация при переломе траектории: переход к интенсивному развитию // Экономика, кризисы, риски, безопасность, самоорганизация. 22.11.2017. Сайт С.П. Курдюмова. URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/samoorganizaciya-pri-perelome-traektorii-perexod-k-intensivnomu-razvitiyu/>.
- China Statistical Yearbook. Beijing, 2000–2017.
- Science and Engineering Indicators 2018. Arlington, VA: National Science Foundation, 2018.
- Sluka N.A., Korobkov A.V., Ivanov N.P. The Chinese Diaspora in the EU Countries // Baltic Region. 2018. V. 10. № 3. P. 80–95.
- Электронные ресурсы:
- The International Monetary Fund, 2018 [Электронный ресурс]: URL: <https://www.imf.org/external/> (дата обращения 20.12.2018).
- The World Bank, 2017 [Электронный ресурс]: URL: <http://worldbank.org/data/> (дата обращения 20.12.2018).
- UNIDO. Industrial Statistics Database. INDSTAT4 – 2017 edition [Электронный ресурс]: URL: https://stat.unido.org/content/dataset_description/indstat-2-2018%252c-isic-revision-3 (дата обращения 20.12.2018).

Поступила в редакцию 27.12.2018
После доработки 08.04.2019
Принята к публикации 24.05.2019

N.A. Sluka¹, T.Kh. Tkachenko²

CHINA ON THE EDGE OF THE THIRD
GLOBAL INTEGRATION CYCLE

By synthesizing country studies and world economy approaches the conditions, factors and prerequisites for the rise of China in the international community and its transformation into a «world factory» during the second global integration cycle are analyzed. Changes in the country's positioning in key geo-economic structures and flows are assessed. The «Chinese factor» has an increasingly significant impact on the development of both global markets and modern world political processes through a widespread application of «soft power» tools. It is expected that the implementation of a new strategy of China, which is tested on the basis of the «One belt and one road» global project will lead to a fundamental transformation of the world order architecture and the third global integration cycle may become called *Pax Sinica*.

Key words: world economy, spatial structure, global integration cycles, China, *Pax Sinica*

¹ Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Geography of World Economy, Professor, D.Sc. in Geography; e-mail: sluka2011@yandex.ru

² Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Department of Geography of World Economy, Associate Professor, PhD. in Geography; e-mail: maryasha_t@mail.ru

REFERENCES

- Bednost' vmesto globalizatsii [Poverty instead of globalization] // *Ekspert*. 2017. № 4 (1014). URL: <http://expert.ru/expert/2017/04/bednost-vmesto-globalizatsii/>. (In Russian)
- Belyakov D. Strategiya Pekina v Central'noj Evrope [The strategy of Beijing in Central Europe] // *SONAR 2050*. 01.12.2017. URL: <http://www.sonar2050.org/publications/kitayskiy-proekt-161-mify-i-realnost/>. (In Russian)
- China Statistical Yearbook. Beijing, 2000–2017.
- Chubarov I.G., Kalashnikov D.B. «Odin poyas – odin put'»: Globalizatsiya po-kitajski [«One belt and one road»: the Chinese brand of globalization] // *Mirovaya Ekonomika i Mezhdunarodnye Otnosheniya*. 2018. T. 62. № 1. P. 25–33. (In Russian)
- Giter B.A., Grechko E.A., Kolosov V.A. et al. Osnovnye napravleniya issledovaniy geografii mirovogo hozyajstva [Main directions of research in the geography of world economy] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 5. Geografiya*. 2015. № 6. P. 3–10. (In Russian)
- Hohlov A.V. Spravochnye materialy po geografii mirovogo hozyajstva 2018. Statisticheskij sbornik. 2018. [Reference materials on the geography of world economy 2018. Statistical compendium. 2018.]. URL: <https://api.expertedu.ru/api/documents/78/download>. (In Russian)
- Kasatkin P.I., Ivkina N.V. Kul'turnaya i obrazovatel'naya sostavlyayushchie «myagkoj sily» ES [Cultural and educational components of EU «soft power»] // *Sravnitel'naya Politika*. 2018. T. 9. № 1. P. 26–36. (In Russian)
- Kolosov V.A., Grechko E.A., Mironenko K.V. et al. Gorizonty issledovaniy v oblasti geografii mirovogo hozyajstva [Horizons of research in the field of geography of the world economy] // *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 5. Geografiya*. 2016. № 1. P. 3–12. (In Russian)
- Kondrat'ev N. D. Izbrannye sochineniya [Selected works]. M.: Ekonomika, 1993. 543 p. (In Russian)
- Mihnevich S.V. Panda na sluzhbe Drakona: osnovnye napravleniya i mekhanizmy politiki «myagkoj sily» Kitaya [Panda in the service of Dragon: main directions and mechanisms of China's «soft power» policy] // *Vestnik Mezhdunarodnyh Organizacij*. 2014. T. 9. № 2. P. 95–129. (In Russian)
- Mironenko N.S., Giter B.A. Mirohozyajstvennyj perekhod v nachale XXI veka: makrotekhnologicheskie i prostranstvennye transformatsii [World economic transition in the early 21st century: macro-technological and spatial transformations] // *Geografiya mirovogo hozyajstva: traditsii, sovremennost', perspektivy* / V.A. Kolosov, N.A. Sluka (eds.). M.; Smolensk: Ojkumena, 2016. P. 40–48. (In Russian)
- Na puti k Kitajskomu miru: kollektivnaya monografiya [On the way to Pax Sinica: a collective monograph] / N.A. Sluka (ed.). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2018. 356 p. (In Russian)
- Rozhdestvenskaya Y. Kitajskie investicii v Evropu dostigli rekordnogo urovnya [Chinese investment in Europe reached record levels] // *Kommersant*. 26.01.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3201876>. (In Russian)
- Samburova E.N., Mironenko K.V. «Kitajskoe ehkonomicheskoe chudo» v mirohozyajstvennom izmerenii [«Chinese economic miracle» in the world economic dimension] // *Regional'nye issledovaniya*. 2016. № 3(53). P. 149–157. (In Russian)
- Samburova E.N., Mironenko K.V. Kitaj v mirovom hozyajstve v kontekste globalizatsii [China in the world economy in the context of globalization] // *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo*. 2017. № 1(40). URL: <http://mirec.ru/upload/ckeditor/files/mirec-2017-1-samburova-mironenko.pdf>. (In Russian)
- Science and Engineering Indicators 2018. Arlington, VA: National Science Foundation, 2018.
- Shuper V. Samoorganizatsiya pri perelome traektorii: perekhod k intensivnomu razvitiyu [Self-organization at the turn of trajectory: transition to intensive development] // *Ekonomika, krizisy, riski, bezopasnost', samoorganizatsiya*. 22.11.2017. Sajt S.P. Kurdyumova. URL: <http://spkurdyumov.ru/economy/samoorganizatsiya-pri-perelome-traektorii-perexod-k-intensivnomu-razvitiyu/>. (In Russian)
- Sluka N.A., Korobkov A.V., Ivanov N.P. The Chinese Diaspora in the EU Countries // *Baltic Region*. 2018. V. 10. № 3. P. 80–95.
- Sovmestnoe stroitel'stvo «Odnogo poyasa, odnogo puti»: ideya, praktika i vklad Kitaya. [Joint construction of «One belt, one road»: idea, practice and contribution of China]. Pekin: Izd-vo Lit-ry na In. Yazykah, 2017. 75 p. (In Russian)
- Za poslednie neskol'ko let KNR rezko uvelichila ob'em pryamyh investitsij v strany ES. [Over the past few years, China has sharply increased the volume of direct investment in the EU]. Skol'ko Kitaj vkladyvaet v Evropu – v infografike Sputnik. 03.11.2017. URL: <http://sputnik.by/infographics/20171103/1031743903/kitajskie-investicii-v-strany-es.html>. (In Russian)
- Web-sources:
- The International Monetary Fund, 2018 [Elektronnyj resurs]: URL: <https://www.imf.org/external/> (access date 20.12.2018).
- The World Bank, 2017 [Elektronnyj resurs]: URL: <http://worldbank.org/data/> (access date 20.12.2018).
- UNIDO. Industrial Statistics Database. INDSTAT4 – 2017 edition [Elektronnyj resurs]: URL: https://stat.unido.org/content/dataset_description/indstat-2-2018%252c-isic-revision-3 (access date 20.12.2018).

Received 27.12.2018

Revised 08.04.2019

Accepted 24.05.2019